

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д66

Перевод с английского
Составление *Л. Бриловой*
Комментарии *С. Антонова, Л. Бриловой, С. Сухарева*
Оформление серии *А. Саукова*

Дом с привидениями: американские мистические истории : [рассказы : пер. с англ.] — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-699-72495-6

Бесплотные обитатели заброшенных замков, обширных поместий, городских особняков и даже уютных квартир. Они могут поселиться и у вас... в книжном шкафу.

О домах с призраками повествуют американские авторы: Вашингтон Ирвинг, Эдит Уортон, Леонард Кип и другие.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Брилова Л., составление, перевод на русский язык, 2018
- © Бобович А., перевод на русский язык. Наследники, 2018
- © Полищук В., перевод на русский язык, 2018
- © Микерина Е., перевод на русский язык, 2018
- © Брилова Л., Сухарев С., комментарии, 2018
- © Антонов С., комментарии, 2018
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-72495-6

Вашингтон Ирвинг

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

ИЗ БУМАГ ПОКОЙНОГО
ДИДРИХА НИКЕРБОКЕРА

Прежде почти в каждом населенном пункте существовал такой дом. Если дом был в унылой местности или выстроен в старинном романтическом стиле, если в его стенах случалось какое-нибудь необычайное происшествие, например убийство, внезапная смерть или что-нибудь в этом роде, можете не сомневаться, что такой дом становился «особым» домом и впоследствии приобретал славу обители призраков.

Борн. Древности

В окрестностях старинного городка Манхэттена еще не так давно существовало ветхое здание, которое в дни моего детства называли «Дом с привидениями». Это здание было одним из очень немногих памятников архитектуры первых голландских поселенцев и в свое время, надо думать, представляло собою весьма порядочный дом. Оно состояло из центральной части и двух боковых крыльев, фронтоны которых ступеньками подымались вверх. Построен был этот дом частью из дерева, частью из мелких голландских кирпичей, вывозимых зажиточными колонистами из Голлан-

дии, пока наконец их не осенила догадка, что кирпичи, в сущности, можно выделять где угодно. «Дом с привидениями» стоял вдалеке от дороги, среди обширного поля; к нему вела аллея старых акаций, из которых иные были расщеплены молнией, а две-три повалены бурей. В разных концах поля росло несколько яблонь; тут же можно было обнаружить и следы огорода; но изгородь развалилась, культурные растения исчезли или одичали настолько, что не многим отличались от сорняков, и между ними то здесь, то там виднелся разросшийся, лохматый куст розы или высокий стебель подсолнечника, поднимавшийся над колючим терновником и понуро опускавший голову, точно он оплакивал окружающее его запустение. Часть крыши старого здания провалилась, окна были выбиты, филенки дверей проломаны и заколочены неостругаными досками; на обоих концах дома два ржавых флюгерных петушка немилосердно визжали и скрежетали, поворачиваясь на спицах, и тем не менее всегда неверно указывали направление ветра. Если даже в погожий день это место поражало заброшенностью и запустением, то нет ничего удивительного, что завывания ветра вокруг ветхого, наполовину развалившегося дома, скрежет и визг флюгерных петушков, хлопанье и грохот незакрепленных ставней, когда разыгрывалось ненастье, нагоняли такую жуть и тоску, что всем окрестным жителям дом и прилежавший к нему участок земли внушали неодолимый ужас. Носилась молва, будто именно здесь происходят шабаши призраков. Я и сейчас еще отчетливо пом-

ню облик старого здания. Сколько раз слонялся я возле него с моими приятелями, такими же отпетыми сорванцами и лоботрясами, как и я, когда по праздникам мы пускались после полудня в пиратские набеги на пригородные сады! Невдалеке от дома росло великолепное дерево: ветви его гнулись под тяжестью чудесных, полных соблазна плодов, но оно было на закланной земле — ведь это место, как повествовали бесчисленные рассказы, пребывало во власти колдовских сил, — и мы не решались к нему подступить. Иногда мы все же набирались отваги и скопом, все вместе, косясь на старое здание и со страхом поглядывая на его зияющие окна, приближались к этому дереву Гесперид, но когда мы уже готовились наброситься на добычу, кто-нибудь из нашей ватаги вдруг неожиданно вскрикивал или нас приводил в смятение какой-нибудь случайно возникший шум, и, охваченные паническим страхом, мы пускались во все лопатки и неслись сломя голову и не останавливаясь, пока не выбирались наконец на дорогу. И, конечно, ходило великое множество жутких рассказов о загадочных криках и столах, раздающихся внутри дома, об отталкивающем, страшном лице, которое, согласно поверьям, иногда показывается в одном из окон. Мало-помалу мы потеряли охоту посещать эту покинутую усадьбу; мы предпочитали стоять где-нибудь поодаль и забрасывать дом градом камней; звук, который они издавали, ударяясь о крышу, или порою звон выбитого, случайно уцелевшего обломка стекла доставляли нам жуткое, смешанное с ужасом наслаждение.

Когда и кем был выстроен этот дом, покрыто мраком, окутывающим начальный период истории нашей провинции, иначе говоря, тот период, когда она находилась под властью «их светлостей Генеральных Штатов Голландии». Некоторые считают, что в былое время он служил сельскою резиденцией Вильгельма Кифта, по прозванию Упрямец, одного из голландских губернаторов Нового Амстердама. Другие, однако, настаивают на том, что его построил один морской офицер, служивший под начальством ван Тромпа; будучи обойден производством в чинах, он счел себя обиженным, покинул службу, сделался с досады философом и, дабы иметь возможность жить по своему вкусу и усмотрению и презирать всех и вся, перебрался со всеми своими пожитками в эти края. Вопрос о том, что именно явилось причиной заброшенности и дома, и примыкающего к нему участка земли, тоже порождал жаркие споры; одни уверяли, будто из-за этой усадьбы в свое время возникла тяжба, судебные издержки которой превысили стоимость самого владения, между тем как наиболее распространенная и, бесспорно, достоверная версия утверждала, будто в доме завелась нечистая сила и от нее никому не стало покоя. И в самом деле, последнее обстоятельство почти несомненно явилось истинною причиною запустения и разрушения дома: недаром же столько историй в один голос повторяют одно и то же, недаром любая старуха в округе может выложить во всякое время не менее двух десятков подобных рассказов.

Рядом с усадьбой жил одинокий негр — старый, седой скаред, у которого была в запасе целая куча таких историй; многое из того, что он рассказывал, произошло лично с ним. Я и мои школьные товарищи не раз забежали к нему на участок, чтобы послушать его болтовню. Старик обитал в жалкой лачуге, стоявшей среди крошечного клочка земли, засаженного картофелем и кукурузой и подаренного ему при отпуске на волю его бывшим хозяином. Он подходил, бывало, к нам с мотыгой в руке, мы усаживались, словно стая ласточек, прибившись на жердях изгороди, и в летние сумерки, когда все окутывают мягкие тени, затаив дыхание, слушали его страшные рассказы, а он при этом так жутко вращал белками и нас охватывал такой ужас, что, возвращаясь в темноте по домам, мы пугались нередко своих же шагов.

Бедный старый Помпей! Прошли годы и годы с тех пор, как он умер, спеша составить компанию тем самым духам, о которых так любил поболтать. Его схоронили на его собственном картофельном поле, по его могиле вскоре прошелся плуг, сровнявший ее с землей, и никто на всем свете не вспомнил больше о седом старом негре. Спустя несколько лет, сделавшись тем, что называют обычно «молодым человеком», я случайно попал снова в эти места и, бродя по окрестностям, наткнулся на кучу зевак, глазевших на череп, только что выброшенный из земли лемехом плуга. Они, конечно, тут же решили, что пред ними — кости «убитого человека». И принялись ворошить груду обычных историй о «Доме с привидениями».

Я сразу понял, однако, что это останки бедняги Помпея, но прикусил язык, ибо, уважая чужое удовольствие, не люблю портить рассказ о духах или убийстве. Впрочем, я принял меры, чтобы кости моего давнего приятеля были вторично преданы земле и чтобы на этот раз ничто больше не нарушило их покоя. Пока я сидел на траве и наблюдал за их погребением, между мною и одним пожилым джентльменом завязалась весьма занимательная и продолжительная беседа. Джентльмен этот, проживавший в здешних местах, носил имя Джон Джоссе Вандермоер и был любезным, обожающим поговорить человеком, вся жизнь которого прошла либо в выслушивании, либо в сообщении другим местных сплетен. Он вспомнил старого Помпея и его рассказы о «Доме с привидениями»; он заявил также, что может поведать еще более загадочную и таинственную историю, чем те, что рассказывал когда-то Помпей, и когда я выразил желание прослушать ее, присел на траву рядом со мной и сообщил приводимую ниже повесть. Я постарался передать ее по возможности дословно, но с того времени протекли годы, я стал стар, и память моя теперь уж не та. Я не могу поэтому ручаться за слог, но в отношении фактов я неизменно проявлял исключительную точность и щепетильность.

Д. Н.

ДОЛЬФ ХЕЙЛИГЕР

Беру весь Килберн — город, где живу,
В свидетели, что был рожден
Застенчивым, к стыдливости приучен.
Пусть пса мне приведут, который мог бы
Сказать, что бит он мною без вины,
Пусть кот на Библии присягу даст,
Что хвост ему хотел я подпалить, —
Обоим я по кроне уплачу!

Сказка о бочке

В начальный период истории провинции Нью-Йорк, в те времена, когда она стонала под гнетом тиранического управления английского губернатора лорда Корнбери, который, всячески притесняя голландское население, дошел до того, что не позволял ни священнику, ни школьному учителю отправлять свои обязанности на родном языке, не имея на то особого разрешения, — в эти самые времена в небольшом старинном веселом городе, носящем имя Манхэттен, проживала некая славная женщина и отличная мать, известная всем как хозяйка Хейлигер. Она была вдовою голландского флотского капитана, внезапно умершего от горячки — последствия его чрезмерных трудов и столь же чрезмерного аппетита — в те тревожные дни 1705 года, когда городу грозила опасность со стороны небольшого французского капера и горожане, ударившись в панику, принялись поспешно возводить укрепления. Покойный оставил ее с очень скудными средствами и сыном-малюткою на руках; прочие дети этой четы умерли во младенчестве. Почтенная женщина едва сводила концы

с концами, так что ей приходилось прилагать немало усилий, дабы внешне все обстояло благопристойно. Впрочем, поскольку ее супруг пал жертвою рвения к общему благу, все единодушно решили, что «для вдовы надо бы что-то сделать», и в надежде на это «что-то» она более или менее сносно просуществовала несколько лет: все ей сочувствовали, все отзывались о ней с поразительной теплотой, и это, надо думать, заменяло ей в известной степени помощь.

Она обитала в маленьком домике на маленькой улочке, называвшейся Гарден-стрит — возможно, по той причине, что некогда здесь был какой-то сад. И так как с каждым годом ее нужда становилась острее и острее, а разговоры о том, что «для нее надо бы что-то сделать», все глуше и глуше, ей пришлось под конец возложить заботу об этом «что-то» на себя самое и призадуматься, как в добавление к своим скудным средствам добыть новый источник дохода, сохранив свою независимость, к которой она относилась чрезвычайно ревниво.

Проживая в торговом городе, госпожа Хейлигер прониклась в некоторой мере царившим в нем духом и решила попытать счастья в шумной лотерее коммерции. В один прекрасный день, на удивление всей улице, в ее окне появилась целая шеренга пряничных королей и пряничных королев, которые, как и полагается царским особам, стояли подбоченясь. Тут были также в изрядном количестве большие, как правило увечные, стопки, одни с леденцами, другие — с детскими игральными шариками; кроме того, здесь можно было увидеть все-

возможные пирожные и печенья, ячменный сахар, голландских кукол и деревянных лошадок; там и сям виднелись детские книжки в золоченых переплетах и мотки пряжи, а сверху на бечевке свешивались фунтовые пачки свечей. У дверей дома сидела обычно кошка почтенной госпожи Хейлигер — в высшей степени благопристойное существо, — по-видимому, пристально разглядывавшая прохожих и критически оценивавшая их платье; время от времени она вытягивала шею и всматривалась в даль с внезапно нахлынувшим любопытством, дабы разглядеть хорошенько, что происходит на другом конце улицы; когда же случалось, что какая-нибудь праздношатающаяся собака оказывалась невдалеке и выражала намерение нарушить правила вежливости, — боже мой, как она ерошила шерсть, как плевалась, как фыркала, как выпускала когти! В такие минуты она проникалась не меньшим негодованием, чем древняя и страхолюдная старая дева, обнаружившая, что к ней приближается какой-нибудь завязтый распутник.

Хотя почтенной женщине и пришлось познать, что значит нужда, все же она сохранила в себе чувство фамильной гордости — ведь она происходила от ван дер Шпигелей из Амстердама! — и ревниво берегла раскрашенный родовой герб, висевший в рамке у нее над камином. И, по правде говоря, она пользовалась глубоким уважением беднейших обитателей города: дом ее был своего рода клубом для всех старух, проживавших поблизости. Они запросто приходили сюда в зимние сумерки и заставляли

хозяйку с вязаньем в руках с одной стороны камина, мурлыкавшую кошку — с другой его стороны и распевавший песенки чайник — на угольках; здесь они судачили и болтали до позднего часа. Тут же стояло кресло, предназначенное для Питера де Гроодта, именуемого иной раз Питером Долговязым, а порою Питером Длинные Ноги. Это был пономарь, а заодно и могильщик при маленькой лютеранской церкви, старинный друг-приятель госпожи Хейлигер, а также оракул у ее камелька. Да что Питер де Гроодт! Сам священник и тот не гнушался захакивать к ней время от времени, дабы побеседовать о душевном ее состоянии и выпить стаканчик ее знаменитого, отличного на вкус черри-бренди. Можете быть спокойны, он никогда не забывал заглянуть к ней и на Новый год, чтобы поздравить и пожелать ей всякой удачи и счастья, и наша почтенная женщина, в иных делах весьма щепетильная и тщеславная, неизменно тешила свое честолюбие и вручала ему такой увесистый сладкий пирог, какого не сыскать в целом городе.

Я упоминал уже, что у госпожи Хейлигер был единственный сын. Он родился, когда молодость ее миновала, но — увы! — едва ли мог быть назван ее опорой и утешением, ибо из всех отчаянных сорванцов городка Дольф Хейлигер был самым отчаянным сорвиголовой. Нельзя сказать, чтобы этот чертенок находился во власти каких-либо мерзких пороков, однако он отличался безмерным озорством и веселостью и тем духом отваги и предприимчивости, который обычно превозносят в ребенке из богатой семьи, но осыпают проклятиями, когда

он вселяется в детей бедняков. Дольф постоянно попадал в какую-нибудь беду; его мать без конца осаждали жалобами на его проказы и выходки, а заодно и счетами за выбитые им стекла; короче говоря, ему не исполнилось еще четырнадцать лет, а между тем все соседи звали его не иначе как «паршивой собакой», «самой паршивой собакой на улице». Больше того, один пожилой джентльмен в бордовом кафтане, с худым красным лицом и глазами хорька однажды дошел до того, что принялся убеждать госпожу Хейлигер, будто ее сыну рано или поздно придется болтаться на виселице.

Несмотря ни на что, эта милейшая женщина любила своего мальчугана. Казалось, чем хуже было его поведение, тем большую нежность она испытывала к нему, и чем сильнее она обожала его, тем ненавистнее становился он всему свету. Матери — нелепо мягкосердечные существа, и их никак не излечишь от этого недостатка; Дольф был ее единственное дитя; кроме него, ей некого было любить в целом мире, — мы не должны поэтому осуждать ее, если она оставалась глуха к голосам добрых друзей, всячески тщившихся уверить ее, что Дольфа все же ожидает веревка.

Собственно говоря, негодник Дольф был тоже крепко привязан к матери. Он отдал бы все на свете, лишь бы не огорчать ее; провинившись, ловя на себе ее пристальный скорбный взгляд, он чувствовал, как сердце его наполняется горечью и раскаяньем. Но, будучи созданием легкомысленным, он не находил в себе сил противостоять искушению и удержаться от новых проказ и забав. Хотя